

Линь моргнул. Потом моргнул ещё раз.

Затем он поднял руку, чтобы потереть глаза, нащупал повязку и только тогда очнулся от потрясения.

Но недоумение всё равно осталось, так что ритуалист спросил:

— Верховный инквизитор?

— Да, — увидев всю цепочку мелких движений Линя, Фельдграу слегка приподнял уголки губ.
— Я шёл мимо; увидел, что багаж оставили у дороги; услышал голоса твоих детей — вот и занёс всё внутрь.

— А... — выдохнул Линь.

Два ребёнка, прибежавшие обратно в прихожую, поспешно прикрыли рты ладонями, недоумевая: неужели они и правда так громко шумели?

А секретарь Ловветро, услышав изумлённый вопрос Линя и ответ Фельдграу, только тогда заметил, что за ним кто-то вошёл следом.

— Верховный инквизитор! — золотистый пёсолюд вздрогнул уже во второй раз за день. — Неужели я перепутал время?..

— Ты ничего не перепутал. Просто сегодня у меня выдалось немного свободного времени, вот я и вышел раньше, — верховный инквизитор сначала ответил секретарю, затем заглянул внутрь квартиры, повернулся к Линю и спросил: — Ну как тебе это жильё? Хоть заявка и была утверждена мной, я сам понятия не имел, что это за квартира.

— Тогда... может, зайдёте посмотреть? — подхватил Линь.

— Ты уже осмотрелся? — спросил Фельдграу.

— Ещё нет... — с некоторым колебанием ответил ритуалист.

Он не мог сказать, что совсем не видел квартиру. Утром он сначала сбегал сюда, притаившись на спине Парайбу, а затем Ректих, помогая с капельницей, отвёл Парайбу в медицинское крыло при отделении Инквизиции на заднем уровне жилого блока, по знакомству попросив кровеплотяного целителя присмотреть за ним.

Иначе они бы просто не смогли заняться переездом: пыль от уборки и переноски вещей могла

ухудшить состояние лёгких больного мышелюда.

По дороге они были предельно осторожны, но стоило измерить температуру в медкабинете — и у Параибы она снова оказалась высокой.

Ректих остался с ним, а Линь, возвращаясь, сделал крюк по улице Зелёной Керамики и из-под окна взглянул на квартиру 102 в доме А12.

— Понятно, — сказал Фельдграу с видом хозяина, приглашая внутрь. — С вещами не спеши; зайдём, посмотрим вместе.

Переступив за узорчатую стеклянную перегородку прихожей, они наконец оказались в самой квартире — четырёхкомнатной, с двумя гостинными зонами. Фельдграу включил свет, делая видимыми пол, выложенный тёмно-коричневой плиткой под дерево, и стены, выкрашенные в молочно-белый цвет.

Подразделение логистики укомплектовало жильё стандартной мебелью: обувной шкаф в прихожей; в столовой — пусть пластиковый, но похожий на деревянный обеденный стол и шесть стульев; на кухне — шкаф для посуды; а в гостиной даже имелся кожаный диван и простой узорчатый ковёр.

Из четырёх спален три были оснащены кроватями; в четвёртой стояли письменный стол, стул и набор книжных шкафов.

Если учитывать количество членов семьи Линя, трёх кроватей будто бы не хватало, но если сравнивать с апартаментами «Мятное масло», где он три года спал на двухъярусной койке шириной всего семьдесят сантиметров и длиной метр восемьдесят, то здесь каждая кровать насчитывала полтора метра в ширину и два в длину.

Если судить только по площади, спать им теперь было куда просторнее, чем раньше.

Из прочих помещений Линь первым делом заглянул в санузел. Он распахнул дверь и увидел ослепительно белый керамический унитаз — и в тот же миг едва не расплакался.

Хотя на работе он тоже пользовался чистыми унитазами... Наверное, всё началось с того первого дня в апартаментах «Мятное масло», когда он обнаружил, что унитаз сломан и доверху забит отходами. Тогда это стало слишком сильным потрясением...

До сих пор остальные пятеро членов семьи не понимали, почему Линь, только присоединившись к ним, каждый раз шёл в туалет так, словно отправлялся на поле боя, да ещё и просил кого-нибудь пойти с ним.

А теперь он едва сдерживался — так хотелось нажать кнопку смыва и посмотреть, как чистая

вода омывает белую керамику.

Выходило, три года после переноса в другой мир всё-таки сделали из него извращенца. Хуже того — ещё и скрягу.

Потому что в итоге Линь отказался от своего странного порыва, решив, что нельзя зря тратить воду.

Вернувшись в гостиную, он увидел, что Пятнуля и Хвостик облепили присевшего на корточки Фельдграу и щебетали вокруг него, словно маленькие голуби.

Но стоило Линю появиться, как верховный инквизитор, до этого внимательно слушавший детский лепет, поднял голову. Чувство устойчивости и тепла от этого взгляда сразу сделало улыбку Линя куда более искренней.

— Ну как? — спросил Фельдграу. — Новый дом.

— Лучше и быть не может, — не задумываясь ответил ритуалист. — Новый дом...

«Дом».

Линь запнулся.

Фельдграу заметил, как уголки его губ на миг выровнялись, а затем снова приподнялись.

Эта мимолётная печаль почти никем не была замечена, потому что Линь уже радостно говорил:

— Прекрасно! Так хорошо, что мне прямо сейчас хочется целый день пролежать на диване.

— Целый день лежать! — глаза Пятнули загорелись при виде дивана.

— Я что-то не припомню, чтобы ты, Линь, где-нибудь целый день лежал, — с удивлением сказала Хвостик.

«До переноса, в первые дни летних или зимних каникул, я мог весь день валяться в кровати с телефоном», — подумал Линь.

А сейчас... та самая лень будто исчезла в те моменты, когда приходилось прилагать усилия.

«Стоп. Почему с тех пор, как я вошёл в эту квартиру, я всё время сравниваю всё с жизнью до переноса? Хватит», — Линь отогнал сумбурные мысли и решил испытать диван на удобство.

— Я первый! — объявил он и размашисто уселся.

— Эй!..

— Линь, это нечестно!

Пятнуля и Хвостик кинулись следом, но, в отличие от решительного Линя, они, подбежав к дивану, садились медленно и осторожно.

К этому моменту ритуалист уже утонул в мягкой, чуть прохладной кожаной спинке.

Через пару секунд он почувствовал лёгкое колебание рядом.

Линь повернул голову — Фельдграу сел возле него.

— Отличная квартира, — вздохнул Линь, уже не в силах держать спину прямо. — Спасибо вам... эм, мистер Фельдграу.

— Ты уже благодарил за это, — верховный инквизитор сдержал желание ткнуть Линя в щёку и сжал руку в кулак, положив её на колено. — Вместо того чтобы снова говорить «спасибо», лучше давай просто поговорим.

— О чём?

— Линь, — Фельдграу слегка наклонил голову, — ты как будто не слишком рад.

«Да нет, очень рад», — ответил Линь про себя.

Просто... ему было чуть-чуть тоскливо.

Но объяснять причину этой тоски он не хотел, поэтому заговорил о том, о чём размышлял раньше.

— Ну... даже мне иногда кажется, что привилегии инквизиторов слишком уж хороши.

— Правда? — Фельдграу легко подхватил смену темы и посмотрел на двух детей, носившихся по комнатам. — А мне, наоборот, кажется, что обычным инквизиторам можно было бы давать и

побольше. Жаль только, что и у апостолов нет бесконечных средств.

— О, — удивился Линь, — апостолы тоже переживают из-за бюджета?

— Конечно, — ответил птицелюд. — Вот, к примеру, я уже навестил семьи всех, кто отличился в недавнем бою. А сегодня вместе с Ловветро поеду к семьям погибших.

«Вот почему, — подумал Линь, — верховный инквизитор сегодня в непривычном чёрном костюме».

— Всё, что можно выдать за счёт средств, в конечном итоге имеет цену, — Фельдграу опустил взгляд. — А то, что отдают инквизиторы, бесценно.

Жизнь.

Единственная и неповторимая ценность человека.

— Эти вещи не равны, — тихо сказал Линь, услышав слова, над которыми он сам мучительно размышлял со вчерашнего дня. — Иногда и я думаю: если считать это сделкой, не получается ли, что в выигрыше остаётся Инквизиция?

— ...

Линь медленно опёрся локтями и сел ровнее.

Он, изучая профиль Фельдграу, продолжил:

— Инквизицию ведь предложил создать Близнецы Диссонанса, верно?

— Да. Но, Линь, это запретная история, — мягко напомнил Фельдграу.

В школьных учебниках истории говорилось, что после сотворения мира Шестью Божественными Столпами зло, возжелавшее этот прекрасный мир, пришло извне, и ради защиты человечества была основана Инквизиция.

Но на самом деле — хватало лишь взглянуть на отношение Моисея к Инквизиции, чтобы понять: Шесть Божественных Столпов создали мир в начале нового календаря, а Инквизиция существовала ещё до него. Более того, её состав формировался из шести церквей и был одним из доказательств союза Шести Божественных Столпов.

Организацию возглавлял арх-инквизитор — апостол Дракона Света, однако именно служители

Близнецов Диссонанса всегда составляли костяк Инквизиции.

Служители Близнецов Диссонанса, чья сила рождалась из сердца защитника, действовали на передовой, разрушая врагов.

Фельдграу не стал спрашивать, откуда Линь знает эту запретную историю. Пусть в учебниках для обычных людей всё излагалось иначе, инквизиторам предоставлялся доступ к внутренним архивам Инквизиции. Даже если почти все записи о времени до нового календаря были запечатаны, в уцелевших документах всё равно мелькали следы прошлого.

Поэтому большинство инквизиторов имели об этом смутное представление.

Слегка напомнив об осторожности, Фельдграу вновь заговорил:

— Чтобы защитить человечество, пришлось объединить боевую мощь шести церквей, отбросив различия и выстроив линию обороны против тёмных богов. Но инквизиторы — тоже люди. Оборона, возведённая из людей, неизбежно требует человеческих жертв. Разве это не противоречие?

— А как думаете вы? — тон Линя оставался спокойным и звучал лишь как искреннее стремление понять, но сами его слова уже были довольно острыми. — Что вы думаете о погибших? Как вы к этому относитесь?

Фельдграу повернулся.

Он не видел глаз Линя, но ощущал его растерянность.

«О чём он думает? Что такого случилось в последнее время, что породило эти сомнения?»

Верховному инквизитору стало любопытно, но прежде всего он должен был ответить на вопрос.

— Вообще-то, — сказал Фельдграу, который мог считаться величайшим в мире мастером огнестрельного оружия, — я ненавижу держать в руках оружие.

— А?..

— Пистолеты, клинки, любое оружие, — продолжил птицелюд. — Каждый раз, когда я к ним прикасаюсь, у меня дрожат руки. Мысль о том, что придётся отнимать чью-то жизнь, пугает меня. Я, возможно, куда трусливее, чем ты думаешь. После того как я стал апостолом, мне понадобилось много времени, чтобы привыкнуть. Пусть со стороны я кажусь надёжным, на самом деле лишь в последние год-два я научился держаться так спокойно. А что до командования и принятия решений... Я был повышен до верховного инквизитора прямо из

канцелярии нижнего отделения. Меня выбрали потому, что я получил благословение и стал апостолом; все решили, что я справлюсь. Но...

Теперь, рассказывая об этом, Фельдграу сохранял улыбку, но уже без тени веселья.

— Я совершил много ошибок. Самая недавняя тебе известна. Сегодня я навещу семьи погибших. Если бы тогда я принял более верные решения, возможно, эти семьи до сих пор были бы полными.

— Тогда... что же делать? — не отступал Линь. — Как вы поступаете сейчас?

«Он так торопится, что выглядит даже мило», — Фельдграу подумал об этом, поднял руку и мягко погладил Линя по голове.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Нет никакого способа, кроме как смотреть в лицо происходящему и брать ответственность на себя. В конце концов, в Шпиневиле на этом месте стою только я. Хранить в памяти ошибки и жертвы, каждый раз стараться сделать всё возможное... Линь, разве ты сам всё это время не жил именно так?

<http://bllate.org/book/12612/1362051>